

П.Н. Сакулин

**Из архива Ф. М.
Достоевского**

**Неизданные письма. 1839-1865
ГГ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-4
ББК 84-4
П11

П11 **П.Н. Сакулин**
Из архива Ф. М. Достоевского: Неизданные письма. 1839-1865 гг / П.Н. Сакулин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 99 с.

ISBN 978-5-458-49222-5

Сборник представляет собой эпистолярное наследие Ф.М.Достоевского с 1839 по 1865 гг. Собрание писем предваряет вступительная статья с кратким очерком жизни и деятельности писателя.

ISBN 978-5-458-49222-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мучительный и вместе радостный для него, и как складывалась его первая семейная жизнь с заботами не только о жене, но и о пасынке (Паше), который много хлопот будет причинять Федору Михайловичу впоследствии, после смерти Марьи Дмитриевны. Особенно характерно рисуется Достоевский в роли влюбленного, жениха и мужа в письмах от 12 января, 24 марта, 9 ноября и 22 декабря 1856 г. и 9 марта 1857 г.¹ Женился Достоевский в Кузнецке Томской губ. 6 февраля 1857 г.

Перманентное безденежье, постылая служба ссыльного солдата, смертельно угрожающая болезнь (как опасался Достоевский) я, — что горше всего, — невозможность осуществить свое писательское назначение, — всё это мучительно угнетало нашего писателя. Он рвется на волю. Хочется прежде всего сбросить эту солдатскую шинель, потом — выйти в отставку, добиться возвращения в Россию и права печататься.

Медленными, раздражающе медленными шагами, но свобода приближалась к Достоевскому. Вот этапы его освобождения.

15-го января 1856 г. Достоевский был произведен в унтер-офицеры. 1-го октября того же года, „по высочайшему повелению за отличие по службе“, получает он офицерский чин прапорщика. Значит, всё-таки „выслужился“. Как это произошло?

На службе наш писатель вел себя безукоризненно: начальство отзывалось о нем с похвалой. Тут не одна внешняя лояльность. Видимо, Достоевский много передумал в каторге и в ссылке. Дело петрашевцев предстало ему в новом свете. Как в свое время декабрист А. И. Одоевский и друг декабристов, Пушкин, Достоевский усомнился в правоте идейного бунтарства русской интеллигенции, которая восставала против государственного порядка, не имея на то санкции народа. Не лучше ли жить общей жизнью, какова бы она ни была, — чем томиться в физической неволе и моральной обособленности? Оттуда, из России, несутся голоса жизни. Долго гремели орудия под Севастополем. Военная гордыня России сломлена. Николай I умер. На престоле — Александр II. Как всегда, новый государь — новые надежды. Коронация, амнистия. Достоевскому известно (письмо от 18 января 1858 г.), что петрашевцы Толь и Пальм уже в Петербурге. Заговорили о первых признаках обновления застоявшейся жизни. Огромная и таинственная Россия манит к себе Достоевского. И царь кажется ему в ореоле народной любви, как символ единства и величия страны. Достоевский сочиняет „патриотические“ стихи „На европейские события 1854 года“, т. е. на севастопольскую войну,² далее — на смерть

¹ Ср. также в „Воспоминаниях“ А. Е. Врангеля стр. 19, 38 — 39, 46 — 47, 50 — 52, 64 — 66, 81 — 83, 88, 126 — 135, 155 — 156, 165, 167 — 168, 195.

² В первый раз напечатаны в „Гражданине“ за 1883 г., № 1.

Николая I и на коронацию Александра II. В нескладных виршах, но, без сомнения, искренно захотел Достоевский выравнять то, что думал тогда о России.¹

В августе 1855 г., через командира Отдельного сибирского корпуса Достоевский просил „повергнуть к стопам“ вдовствующей императрицы его стихотворение „На 1-е июля 1855 года“. Командир оценил „теплоту патриотических чувств“ сочинителя и препроводил произведение военному министру с ходатайством о производстве автора в унтер-офицеры, „дабы сим поощрить его доброе поведение, усердную службу и непритворное раскаяние в грубом заблуждении молодости“. Ходатайство было уважено. Эта первая „милость“ окрылила Достоевского надеждами.

Тем же официальным порядком в июне 1856 г. пошло и второе стихотворение, написанное „по случаю заключения мира и предстоящей священной коронации государя императора“, как сказано в бумаге генерала Сухозанета. Генерал просил военного министра „повергнуть“ стихи „на высочайшее государя императора воззрение и, если признается возможным, исходатайствовать высочайшее соизволение на напечатание одного в одном из петербургских периодических изданий“.²

Использован был Достоевским и другой, неофициальный, путь для передачи стихотворений по назначению. Пускаются в ход старые и новые связи. Врангель — деятельный посредник и в Сибири и в Петербурге, куда он с 1856 г. поехал по своим делам. Помогают Эд. Ив. Тотлебен и принц П. Г. Ольденбургский.³ В результате — чин прапорщика.

Таким образом, ссыльный писатель амнистирован. Еще ранее Достоевский хлопотал об отставке, чтобы поступить на статскую службу (хотелось в Барнаул). Теперь на этом пункте сосредоточены все его мысли.

Отставка, наконец, получена. Более того, 30 июня 1859 г. дано разрешение на выезд в Россию. Несмотря на полное безденежье, радостно было думать, что в среду 31-го июня 1859 г. можно будет навсегда покинуть Семипалатинск („в Семипалатинске я и лишнего дня не хочу сидеть“, — говорит он в письме от 13-го декабря 1858 г.). Надо было на лошадях ехать

¹ И в письмах есть несколько панегирических отзывов об Александре II.

² Орест Миллер в „Материалах“, напечатанных в I томе Сочинений Достоевского, 1883 г., стр. 149, сетует об утрате этого стихотворения.

³ Ср. рассказ А. Е. Врангеля в „Воспоминаниях“, стр. 78 — 80, 192 — 195 и письма Достоевского — там же, стр. 138 — 142, 147 — 149, 150 — 151. Ср. в „Письмах“ I тома Сочинений Достоевского (1883), стр. 95 — 96. В дальнейшей ссылке на письма, вошедшие в I т. Сочинений (1893 г.), буду делать сокращенно так: „т. I, стр. ...“. Читателю, впрочем, необходимо знать, что теперь уже вышел первый том писем Достоевского (1926) под редакцией А. С. Долинина. Руководясь датами, легко отыскать здесь любое из цитированных мною писем.

до Казани, куда предполагалось прибыть в первых числах августа. Следующая остановка через 1300 верст — Тверь („минуя Московскую губернию“), куда рассчитывал приехать около 15 августа. А там, может быть, разрешат въезд и в Москву. Сначала Достоевский думает именно о Москве: в Петербурге жить не хочет (13 сентября 1858 г.). Но, конечно, происходили неизбежные задержки. Из Семипалатинска Достоевский фактически выехал 2 июля 1859 г. В двадцатых числах августа того же года он уже в Твери, и хлопочет о продаже своего тарантаса. Тверь не удовлетворяет его: это — „самый ненавистнейший город в свете“ (24 августа 1859 г.). „Жизнь моя здесь ужасная... Не понимаю, как еще я не падаю совершенно духом“ (9 октября 1859 г.). „А мне жить здесь тяжело, очень, очень тяжело“ (13 октября 1859 г.). Эта тяжесть жизни, конечно, отчасти создавалась болезнью жены.

Из Твери чрез губернатора Баранова Достоевский посылает письмо к государю.¹ Теплится надежда на возможность попасть в Петербург, — не только в Москву. Лишь в январе 1860 г. он мог поселиться в Петербурге, оставив больную жену в Москве.

Таким путем заживо погребенный писатель вышел из купели страданий, чтобы начать новую эпоху своей жизни.

II

„А выйду из каторги — писать начну“, — говорил Ф. М. Достоевский брату Михаилу, прощаясь с ним в тюрьме перед отправкой в Сибирь: „В эти месяцы я много пережил, в себе-то самом много пережил, а там впереди-то что увижу и переживу, — будет о чем писать“. Так рассказывает А. П. Милюков, достоверный свидетель этой прощальной сцены.² „Не могу вам выразить“, — признавался Достоевский А. Н. Майкову (в письме от 18 января 1856 г.), — „сколько я мук потерпел от того, что не мог в каторге писать. А между тем внутренняя работа кипела. Кое-что выходило хорошо, я это чувствовал. Я создал там в голове большую окончательную мою повесть. Я боялся, чтоб первая любовь к моему созданию не простыла, когда минут года, и когда настал бы час исполнения, — любовь, без которой и писать нельзя. Но я ошибся: характер, созданный мною и который есть основание всей повести, потребо-

¹ Ср. в „Воспоминаниях“ А. Е. Врангеля письма Достоевского от 22 сентября (стр. 199 — 200), от 31 октября (стр. 172 — 173), от 2 ноября (стр. 174 — 177), от 19 ноября (стр. 177 — 180) 1859 г. Также сведения Врангеля — на стр. 201 — 203.

² А. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, стр. 198.

вал нескольких лет развития, и, я уверен, я бы испортил всё, еслиб принялся сгоряча неприготовленный. Но, выйдя из каторги, хотя всё было готово, я не писал. Я не мог писать". Едва ли когда-нибудь с точностью мы узнаем, о каком произведении идет здесь речь. Дальше я выскажу предположение, что это — *"Село Степанчиково"*. Несомненно одно, что и в каторге творческая мысль Достоевского продолжала работать. Но приходилось лишь *"выпашивать"* образы, откладывая до времени их словесное оформление. В 1856 г. Достоевский делает героические усилия, чтобы вернуться к литературному труду.

Обреченный на литературное бездействие и духовно одинокий (несмотря на дружбу Врангеля), Достоевский в годы ссылки жил напряженной внутренней жизнью. Мысли клубились в нем, как тучи на горах, и тянулись бесконечной вереницей. Постороннему, даже дружескому взгляду он мог казаться довольно спокойным, но внутри его клочотала настоящая лава, жгла сердце и мозг и рвалась наружу, чтобы застыть в художественных образах. Хочется, мучительно хочется творить и писать.

Еще до получения офицерского чина, в письме от 13 января 1856 г., Достоевский так мотивировал брату свое желание *"перейти в статскую службу"*: *"Не думай, чтоб какиенибудь социальные выгоды или что-нибудь подобизе заставляли меня до такой степени упорно стараться о себе. Нет. Поверь, что, бывши в таких передригах, как я, выживешь наконец несколько философии, — слово, которое толкуй, как хочешь. Но есть два обстоятельства, которые заставляют меня как можно скорее выйти из стесненного положения и ввергают в такое лихорадочное участие к самому себе. Об этих обстоятельствах я тебя и должен уведомить. 1-е. Это то, что я хочу писать и печатать. Более, чем когда-нибудь я знаю, что я не даром вышел на эту дорогу, и что не даром буду бременить собою землю. Я убежден, что у меня есть талант, и что я могу написать что-нибудь хорошее. Ради бога, не принимай моих слов за фатовство. Но кому же мне и верить мечты и надежды мои, как не тебе? К тому же я хотел непременно, чтоб ты знал, для каких соображений мне нужна свобода и некоторое общественное положение"*.¹ *"Полежаев, Марлинский печатали же"*, — утешает он себя в письме от 24 марта 1856 г. Этот лейт-мотив тянется через ряд писем (9 ноября, 26 декабря 1856 г., 7 сентября 1857 г., 15 марта 1858 г. и др.).²

"Меня мучает сильно обилие материалу для письма", — говорит Достоевский (9 ноября 1856 г.). В голове — множество пла-

¹ Вторая причина это — предполагаемая женитьба на М. Д. Исаевой.

² Ср. еще письма в *"Воспоминаниях"* А. Е. Врангеля: 9 ноября (стр. 160—161), 21 декабря 1856 (стр. 166—167).

нов. Так бы и ринулся на литературную арену во всеоружии еще неиспользованного таланта. Нетерпеливо ожидая разрешения печататься, Достоевский писал брату (22 декабря 1856 г.): „А в своих силах, если только получу позволение, я уверен. Не сочти, ради Христа, за хвастовство с моей стороны, брат бесценный, но знай, смело будь уверен, что мое литературное имя — не пропащее имя. Материалу в 7 лет накопилось у меня много, мысли мои прояснели и установились; и теперь, когда каждый несет лепту свою на общую пользу, — не откажут и мне быть полезным“.

Начать, во что бы то ни стало начать! Достоевский тщательно взвешивает каждый свой шаг. Что будет тактичнее и целесообразнее?

В первую очередь, как мы видели, он пустил свои „патриотические“ стихи, в надежде, что, по крайней мере, одно стихотворение увидит свет. Задумана была еще публицистическая статья о России, „чисто политический памфлет“ также „патристического“ характера, но, по разным соображениям, автор ее не окончил.¹

Насколько то было возможно для ссыльного, Достоевский внимательно следил за ходом русской литературы. В середине 50-х годов ясно обозначился перелом в русской эстетике и литературе. У Достоевского накопилось много своих мыслей. „Я думаю, я бы сказал кое-что даже и замечательного об искусстве“, — пишет Достоевский (9 ноября 1856 г.): „вся статья в голове моей и на бумаге в виде заметок“. „Статья моя — плод десятилетних обдумываний“, — говорит он еще 13 апреля 1856 г. в письме к Врангелю:² „Всю ее до последнего слова я обдумал еще в Омске. Будет много оригинального, горячего. За изложение я ручаюсь. Может быть, во многом со мной будут несогласны многие. Но я в свои идеи верю и того доволен... В некоторых главах целиком будут страницы из памфлета. Это собственно о назначении христианства в искусство“.

Был у Достоевского и еще план, вытекавший всё из того же желания высказаться по тогдашним проблемам русской жизни и литературы. В письме из Семипалатинска от 3 ноября 1857 г. читаем: „Хотел было я, под рубрикой „Писем из провинции“, начать ряд сочинений о современной литературе, у меня много созревшего на этот счет, много записанного, и знаю, что я обратил бы на себя внимание. И что же: за недостатком материалов, т. е. журналов за последнее десятилетие, — остановился. И вот так погибает у меня всё, и литературные идеи и карьера моя литературная“.

¹ Ср. в I т., стр. 94, и в „Воспоминаниях“ А. Е. Врангеля, стр. 148. 191—195.

² Т. I, стр. 94.

Рядом с художником, в Достоевском всегда жил журналист и публицист. В расчете на большое наследство Плещеев мечтал о „литературном предприятии“, в котором главную роль предоставлял Федору Михайловичу, и это радовало его (3 ноября 1857 г.). Когда брат, Михаил Михайлович, занимавшийся пока коммерческими аферами (табачная фабрика, сигары — в письмах Достоевский не раз заботливо говорит об этих делах брата), стал сотрудничать в „Русском Слове“ графа Кушелева-Безбородко, — Федор Михайлович живо отозвался на это. Интересно его суждение о вновь возникавшем журнале (18 января 1858 г.): „Ты пишешь в „Русском Слове“. Положим, что идея барская хороша; что капитал для вспомоществования образуется. Но неужели деньгами можно создать редакцию? А без редакции и без оригинальности журнал вздор! Не знаю, кого-то он наймет в редакторы? Но я что-то плохо верю в успех „Русского Слова“. Как альманах, журнал может быть, некоторое время будет хорош“. Сомнения Достоевского, действительно, в значительной степени оправдались. Стоило только Михаилу Михайловичу намекнуть на свои собственные издательские планы, Достоевский нетерпеливо запрашивает (18 января 1858 г.): „Что ты хочешь издавать, с кем и как?“. В письме от 13 сентября 1858 г. находим уже вполне определенные мысли Достоевского о желательном характере органа и о возможности его сотрудничества: „Твоя газета, о которой ты мне писал, вещь премилая. У меня давно уже вертелась в голове мысль о подобном издании, но только чисто литературной газеты. Главное литературной. Фельетон, разборы журналов, разборы хорошего и ошибок, вражда к кумовству, так теперь распространившемуся, больше энергии, жару, остроумия, стойкости, — вот что теперь надо! Я потому так горячо говорю это: что у меня записано и набросано несколько литературных статей в этом роде. Н. прим. *о современных поэтах, о статистическом направлении литературы, о бесполезности направлений в искусстве*, — статьи, которые писаны задорно и даже остро, а главное легко. Но только вот что: неужели ты будешь издавать газету? Ведь это дело нелегкое при фабрике-то? Смотри, брат. Второе дело: в Петербурге я жить никогда не буду, а потому трудно будет мне помогать тебе! Но, уж разумеется, я буду тебе помогать — если только сам того захочешь“. Литературная газета М. М. Достоевского не состоялась. Материал, заготовленный для статей об искусстве и литературе, — как это предполагал еще Орест Миллер, — вероятно, был использован Достоевским (по крайней мере, частично) в его критических статьях, помещенных в журнале „Время“ за 1861 г. („Г.—бол и вопрос об искусстве“ и др.).

Итак, второе начало своей литературной деятельности До-

стоевский хотел положить статьями критическими и публицистическими. Ему казалось, что „лучше начать прежде серьезной статьей (об искусстве) и на нее просить разрешения печатать; ибо на роман до сих пор смотрят как на пустяки“.¹ Обстоятельства сложились так, что он мог выступить в спосой настоящей роли. — в роли беллетриста.

III

Достоевский видел, что литературная арена уже занята другими бойцами (письмо от 3 ноября 1857 г.). Но вера в себя не покидала его. „Да, друг мой“, — писал он брату 9 ноября 1856 г., — „я знаю, что сделаю себе карьеру и займу хорошее место в литературе“. Был расчет и на то, что его „любопытное“ имя, как писателя-каторжника, представляет для читателей интригующий интерес. Достоевский был уверен, что издатели журналов не откажут ему в таланте и поймут выгоду иметь его своим сотрудником. Тем не менее, надо было заново именно завоевывать себе место в литературе. Нужно было еще из ссылок налаживать отношения с различными органами печати: с „Отечественными Записками“, „Современником“, „Русским Вестником“, „Русским Словом“ и даже „Светочем“. Посредниками были брат, Плещеев, Ап. Майков, А. П. Милуков, Дудышкин и другие литературные друзья.² Печатаемые нами письма содержат пространные „инструкции“, какие Достоевский дает брату для сношений с теми или другими редакциями. В редакторах, будет ли то Некрасов, Краевский или граф Кушелев, он видит корыстных предпринимателей и ставит переговоры с ними на чисто коммерческую почву. Он учит брата, к каким приемам следует прибегать, чтобы не продешевить, чтобы не дать хитрым редакторам-издателям провести себя. Попутно даются характеристики журналов и их редакторов (см. письма от 18 января 1858 г., 13 сентября 1858 г., 24 и 25 августа 1859 г., 9 и 13 октября 1859 г.).³

¹ Т. I, стр. 95. Впрочем, в письме к Е. И. Якушкину от 1 июня 1857 г. он говорил иначе: „Скажу Вам без обиняков, что у меня давно уже определено, с чего начинать, и с другого я не начну. Хотя и есть кое-что другое, но, кроме романа и повести, я ни с чего другого не начну“. Ф. М. Достоевский. Письма. I. Под редакцией А. С. Долинина. 1928, стр. 221.

² О каждом из названных писателей в письмах имеются некоторые сведения. Отмечу кстати, что в письме от 9 марта 1857 г. есть характерный отклик на смерть Буткова, беллетриста, которого в свое время сблизил с Достоевским („Друг мой, как мне жаль бедного Буткова! И так умереть. Да что же вы то глядели, что дали ему умереть в больнице! Как это грустно!").

³ „Я вообще думаю, что терять своего нечего: я восемь лет ничего не печатал, и потому, может быть, я буду занимателен для публики, как новичка!“ (18 января 1858 г.). — „Нужно пользоваться всеми выгодами своего положения и всею доведенными хитростями“ (13 октября 1859 г.)“ — „Можно тотчас же пустить Краевского Некрасовым. Оба они пойдут на перебой, и тогда, кто больше даст, тому и роман“ (13 октября 1859 г.).

Себя Достоевский трактует писателем — „пролетарием“ (9 октября 1859 г.).¹ Однажды у него вырвалось такое пессимистическое восклицание (13 сентября 1858 г.): „И всю-то я жизнь буду писать из-за денег! Да хоть бы я имел даже сильное талант, и тот пропадет в этой тоске“. И еще (13 декабря 1858 г.): „Нельзя то писать, что хочется писать, а пиши то, о чем, еслиб не надобны деньги, и думать бы не захотел. И для денег я должен нарочно выдумывать повести. А ведь это уж как тяжело! Скверное ремесло бедного литератора“. На пороге нового периода своей литературной жизни Достоевский ведет жестокую борьбу за существование. „Работать, поевать, создать себе имя литературное, — вот чего я теперь хочу“, — восклицает он в письме от 9 октября 1859 г.

С 1849 г. не печатался Достоевский, и ему приятно было убедиться, что читатель всё же не забыл его. В письме от 14 марта 1859 г. он упрекает брата, что тот поздно сообщил ему о том, как котируются на литературном рынке его „Бедные люди“. Оказывается, экземпляр повести уже стоил тогда 15 руб. „Ведь это льстит моему самолюбию и, может быть, очень утешило бы меня прежде“, — пишет он брату и развивает план о возможности переиздания „Бедных людей“ с иллюстрациями. Конечно, ему хорошо памятен исключительный успех этой повести при первом ее появлении. Еще 24 марта 1856 г. он так мечтал о своих литературных победах: „От литературы я многого ожидаю. Представь себе сочинение, замечательное, как Бедные люди; и тогда на меня все обратит внимание, даже свыше“. ² И так несколько раз „Бедные люди“ берутся в качестве литературного мерила. Как художник, возобновляющий свою деятельность, Достоевский хотел бы появиться перед читателем с зрелыми, хорошо отделанными произведениями. Но приходилось спешить, бросаться от одного замысла к другому, нередко „выдумывать“ повесть. Планы перебивают один другой. Разобраться в них нелегко, тем более, что заглавия обычно отсутствуют. В результате в Семипалатинске создано несколько художественных произведений. Вот важнейшие сведения о творческой работе Достоевского, извлеченные из вновь печатаемых писем и частью подтверждаемые прежними его письмами, особенно к Врангелю.

В 1856 г. у Достоевского была надежда напечатать еще старую свою вещь, которую он называл „Детской сказкой“. 9 ноября он пишет брату: „Я рассчитывал на „Детскую сказку“, которую вы думали напечатать. Почему не напеча-

¹ Про Каткова (24 августа 1859 г.) сказано с обидой: „Ну, положим, что таким государственным людям отвечать такой мелюзге, как я, — некогда. В сторону вежливости!“.

² Ср. в письме к А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 г. (1 том, стр. 88, и в „Воспоминаниях“ А. Е. Врангеля, стр. 139).

тали, была ли попытка, а если была, то что сказали? — ради Христа напиши обо всем этом".¹ В 1856 г. Достоевский предполагал „переделать“ ее „и хорошо переделать и, во 1-х, всё никуда негодное начало выбросить вон“. Но Михаил Михайлович уже напечатал ее в „Отечественных Записках“ Краевского за 1857 г., август. Здесь она появилась под заглавием: „Маленький герой (из неизвестных мемуаров)“; автора скрыли под псевдонимом „М-ий“. Достоевский остался недоволен этим фактом, тем более, что возник эпизод денежного свойства, который и нашел себе подробное отражение в письме к брату от 1 марта 1858 г.² Нет никакого сомнения, что „Детская сказка“ и „Маленький герой“ одно и то же произведение. В цитированном письме от 1 марта 1858 г. Достоевский говорил: „Известие о напечатании *Детской сказки* было мне не совсем приятно... Но что же делать? Напечатано, так не воротись. К тому же я еще не мог достать августовской книжки „Отечественных Записок“... И потому я еще не читал напечатанного“. Заглавие, может быть, дано братом или Краевским. Как бы то ни было, второй раз Достоевский дебютировал в печати „Маленьким героем“, который был написан еще в крепости.

Мы уже знаем, что еще в каторге Достоевский в течение нескольких лет обдумывал *большую повесть*, и в голове уже „всё было готово“. Автор надеялся, что условия жизни в смысле позволят ему написать столь тщательно продуманное произведение. И, действительно, он „работал“, но, — как читаем в письме к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г.³ — „я отложил мое главное произведение в сторону. Нужно более спокойствия духа“. И вслед за этими строками Достоевский сообщает о новом замысле. „Я шутя начал комедию“, — пишет он, — „и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц, и так поправился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до сих пор всё писал отдельные приключения, написал довольно, теперь всё сшиваю в целое“. Итак, в 1856 г. пишется „комический роман“. О нем несколько раз упоминается в публикуемых письмах к М. М. Достоевскому.⁴ 9-го ноября 1856 г. Федор Михайлович со-

¹ Ср. в письме от 21 декабря 1856 г., в „Воспоминаниях“ А. Е. Врангеля, стр. 166, или в I т., стр. 106.

² В I-м томе 1883 г. письмо это напечатано без конца; конец оказался в материалах Центрархива, и теперь письмо воспроизведено полностью.

³ I том, стр. 86.

⁴ См. письмо от 24 марта 1856 г. и ср. его с письмом к А. Е. Врангелю от 23 марта того же года (I т., стр. 88), и от 13 апреля того же года (там же, стр. 95).

общает о романе несколько интересных данных, всё еще не называя его по заглавию: „Роман мой влек меня к себе. Это сочинение очень большое. Роман комический, началось с шуточного, и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в нем. Ради бога не сочти меня квастуном. Нет человека справедливее и строже меня к самому себе в этом отношении, и если бы знали то мои бывшие критики! Отрывки, совершенно оконченные эпизоды, из этого большого романа, я бы желал напечатать *теперь*. Это бы дало мне и известность и деньги. Ради Христа справься по возможности: возможно ли это и напиши ко мне“. Зерно большого комического романа, о котором тут идет речь, это, надо полагать, — „Дядюшкин сон“. Выражение „герой мне несколько сродни“ я склонен понимать в ироническом смысле: Достоевский в это время как раз был занят матримониальными делами.¹ А. Е. Врангель² сообщает, что, сочиняя названное произведение, Достоевский „был в заразительно веселом настроении“: „хохотал и рассказывал мне приключения дядюшки, распевая какие-то отрывки из оперы“. Хлопоты с женьтибой и отсутствие разрешения печататься сильно тормозят работу. Повидимому, о том же произведении говорится в письме к Е. К. Якушкину от 1 июня 1857 г.³ В письме от 3 ноября 1857 г. находим несколько новых данных об этом романе и вообще о литературных планах Достоевского. Михаил Михайлович, как оказывается, высказал сомнение, чтобы можно было печатать отдельные эпизоды („по частям никто не возьмет“), и просил прислать ему весь роман. Достоевский сделать этого не может. Во-первых, потому, что „давно уже“ получил предложение из „Русского Вестника“ (от Каткова), „бесспорно первого русского журнала в настоящее время“, и уже вступил в переписку с Москвой через тамошних знакомых и через Плещеева (который, между прочим, еще находится в Оренбурге, в ссылке, но уже с год как работает для „Русского Вестника“). Но главная причина заключается в том, что с романом случилась „история неприятная“. И вот отчего, рассказывает автор: „Я положил и поклялся, что теперь ничего необдуманного, ничего не зрелого, ничего на срок (как прежде) из-за денег не напечатаю, что художественным произведением шутить нельзя, что надобно работать честно, и что если я напишу дурно, что, вероятно, и случится много раз, то потому, что талантишка нет, а не от небрежности и легкомыслия. Вот

¹ А. С. Долинин однако думает, что здесь, „по всей вероятности“, надо разумеать, „Село Степанчиково“. — Ф. М. Достоевский. Письма. I. Под редакцией и с примечаниями А. С. Долинина. 1928, стр. 521.

² „Воспоминания“, стр. 30 — 31.

³ Ф. М. Достоевский. Письма. I. Под редакцией А. С. Долинина. 1928, стр. 221 — 222. Ср. однако примечание редактора на стр. 538.